

Павел КУЗНЕЦОВ

ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ СЧАСТЬЕ

(заключительная глава романа)

...День угасал. Последние краски заката мягко ложились на пышные султаны седых ковылей, на серебряное зеркало степной речки, отчего казалась она малиновой лентой, потерянной в пору беспечных девичьих забав.

По тропинке, извивающейся берегом реки, ехал одинокий всадник. На молодом, безусом лице не было ни морщинки, а в глубоких, как два колодца, темно-голубых глазах уже гнездилась усталость. На ремне, перекинутом через плечо юноши, покоилась домбра, украшенная костяным узором.

За темными увалами поднимались к небу сизые дымы предвечерних костров, рассыпая золото огненных брызг. Слышался залиvistый лай собак, виднелись очертания войлочных юрт аула.

Степь отдыхала. Душистый настой молодых трав опьянял юношу и манил на отдых.

– Милый мой, – поглаживая рукой облепленную репейником гриву коня, тихо говорил он. – Не думаешь ли ты, что можно без конца ехать с пустым желудком? Не для того ли в ауле разводят костры под казанами, чтобы человек мог оценить вкус бесбармака?

Низко опустив шею и лениво срывая сочные, будто налитые мёдом, шапки желтяка, конь едва перебирал ногами.

На сухих боках его резко выдались широкие ребра, будто тесна была им старая, полыселяя кожа.

– Пойдешь ли ты быстрее, мой золотогривый?

Путник уже сердито стегнул саврасого концом длинной узды. Конь присел на задние ноги и, не сделав больше ни одного шага, начал медленно оседать на траву.

– Э-э-э, приятель, не вовремя сдали твои жилы! – скатываясь со спины саврасого, горько посетовал юноша. – Видно, не чёрной кости ездить к белой в гости. Ты совсем ослаб, мой пышногривый! Не ты ли недавно считался самым лучшим и единственным конем у тех, кто собрал меня в дальнюю дорогу?

С тихим жужжанием подлетел серый слепень и жадно впился жалом в спину коня.

– У-уу, шайтан, разжирел на чужой крови, как волостной управитель! – процедил сквозь зубы юноша, осторожно снял с головы малахай, медленно занес руку за плечо и с размаху прихлопнул слепня.

– Помоги тебе Аллах прожить еще сто дней и убить еще сто слепней, – раздался за спиной насмешливый голос.

Пожилой человек с тяжелой вязанкой саксаула за плечами остановился около тропинки.

– Дай бог и тебе прожить на сто дней больше, чем положено, и перетаскать еще сто вязанок этого чёртова дерева! – желчно ответил юноша, но, устыдившись собственных слов, сгоряча брошенных старшему, приветливо добавил: – Здравствуйте, здоров ли ваш скот, сыты ли ваши дети?

– Ой, не смейся, голубоглазый. Видно, и я скоро свалюсь, как твой старый конь! – опуская на траву вязанку и утирая широкой ладонью мокрый от пота лоб, добродушно пожаловался встречный. – Нет у меня ни жены, ни детей, ни скота. В юрте моей лежат ягнята хозяина. А сам я вот уж сорок лет не могу

заработать себе на калым и неизвестно по какому закону хожу холостой. Не знаешь ты, голубоглазый, нашего хозяина Кадырбая! – тяжело вздохнув, заключил саксаули.

– Кадырбая? Не вашего ли Кадырбая прославил в песне акын Суюмбаи кличкой Волкозубый тарантул?

– Тише! Не порвалась ли у тебя жила, которая удерживает язык от лишних хлопот, – пугливо оглядываясь по сторонам, забеспокоился встречный. – Следы твои могут кончиться в этом ауле, если люди Кадырбая услышат такие слова.

Юноша громко расхохотался. Ловко скинув с плеча домбру, он ударил пальцами по струнам. Задорная песня вырвалась из его груди. Он смотрел на багряный отсвет заката такими глазами, будто там не закатывалось, а только что взошло солнце, и не ночь начиналась, а вставало утро:

*Джамбулом я в родных степях зовусь!
Утешить песнями народ любимый рвусь.
Со смелым кличем чёрной кости – Карасай
Я в смелой песне белой кости не страшусь!*

Удивленно выслушал эту песню человек с вязанкой, торопливо добыл из-за голенища табакерку и почитительно протянул ее молодому акыну.

«Так вот он какой, Джамбул, – пытливо примечая глазами каждое движение юноши, думал саксаули. – Вот чьи дерзкие песни поднялись совсем недавно над степями, как вихрь, понесли от аула к аулу». И, глядя на молодого певца чёрной кости, недоумевал: певцы, признанные в степях, не были нищими, неужели же у этого, благословенного самим Суюмбаем, нет даже коня? Ему ли приличествует кляча, что лежит еле дыша и не имеет силы поднять собственный хвост? А сам Джамбул? О владыки небесные, его дырявая рубаха не закрывает даже спину. А малахай? Сколько старух собирали негодные тряпки, чтобы покрыть на этом малахае заплатами столько дыр? А штаны? Они топорщатся и лоснятся, будто сшитые из тысячи тушканьих ушей. Если бы не домбра, которой так искусно владеет этот парень, и не голос его, без спроса входящий в душу, ни за что не поверил бы Керимбек, что перед ним стоит Джамбул, о котором с весны только и говорят люди в аулах дулатов.

– Ты поспел вовремя, если едешь с желанием испробовать свой голос! – сказал после всех размышлений Керимбек. – Но у нас твой голос или поможет народу жить, или отнимет у него последние силы. Наш Кадырбай готовится стать управителем в краю Семи рек. Он собрал по этому случаю знатных гостей и певцов. Прославленные акыны Байузак, Кучук, Бурамбай уже охрипли, воспевая богатство и силу Кадырбая, красоту его восьми жен, доброту души и справедливость советов. Из всех аулов съехались старшины и привезли своих хабарчи и акынов, чтобы разносили они по степям добрые вести о Кадырбае. Бий Артык показал акынам свою палку и посоветовал, как надо петь, чтобы Кадырбай был доволен.

Джамбул оживился. Он придвинулся ближе к Керимбеку и спросил:

– Чем же славен ваш Кадырбай? Неужели он так силен, что, увидев его, акын может потерять свой голос?

– О-о-о, милый мой, – опираясь рукой на вязанку, ответил Керимбек, всё еще недоверчиво поглядывая на Джамбула, – Кадырбай силен тем, что за спиной его три тысячи коней, пять тысяч овец, три тысячи белых кошм, тыся-

ча верблюдов и пять тысяч верст земли. И он один – хозяин всему. Разве не говорят в народе: с сильным не борись, с богатым не судись?!

– А какой же приз назначил победителю айтыса ваш хозяин? – полюбопытствовал Джамбул.

– Если этот приз, друг мой, достанется тебе, ты можешь забыть о своей полудохлой кляче. Двух иноходцев, полсотни баранов, парчовый халат и кирпич чая обещает Кадырбай победителю.

– Неплохая награда. Не можешь ли, добрый Керимбек, помочь мне добраться до аула? Ягнята Кадырбая, что ночуют в твоей юрте, не помешают мне отдохнуть после долгого пути. А ты будешь вправду рассчитывать на добрую долю из приза, что объявил Кадырбай победителю айтыса.

Керимбек охотно согласился. С трудом заставил он саврасого подняться с земли, погрузил на его спину вязанку саксаула и, держась обеими руками за длинную узду, потянул коня за собой.

«Только бы не опоздать. Поспеть бы вовремя. Ты услышишь, Кадырбай, песню обворованного тобой племени Шапырашты. Я спою её так, как велит мой народ и как скажет мое сердце. Если песня эта пролетит по степям, как птица, не быть тебе управителем! – Руки Джамбула до хруста в казанках сжимали домбру, а губы повторяли: – Не быть тебе управителем, Волкозубый тарантул. Не быть, не быть...»

...На белых кошмах в байской юрте с утра сидели важные, степенные гости. Под ослепительными лучами солнца, пронизавшими сетчатый тундук, блестели парчовые халаты, широкие серебряные пояса, украшенные камнями и дорогими наборами. Лоснились от обильного угощения возбужденные, покрасневшие лица старшин.

Слуги Кадырбая не успевали выносить из юрты опорожненные бурдюки. Кумыс лился рекой. Пенистый, хмельной, он заставлял сердца гостей биться быстрее, а языки их говорить острее и горячее.

В юрте было шумно от споров, тесно от взаимной лести и душно от скрытых, затянутых в тугой узел дум, полных зависти, взаимной ненависти и зла.

Горячась и споря, гости то и дело поглядывали на Кадырбая, проверяя по движениям его лица правильность сказанного.

– Не быть Есенбаю управителем, не стоять ему на нашей дороге. Род Есенбая смешан с чёрной костью. Жена его, породившая целое племя, так и осталась туленгуткой. А сам Есенбай спит еще на черной кошме! – кричал родовой судья Артык, расплескивая кумыс из голубой кесе.

Потрясая черенком бича и вскидывая черные волосатые брови, в ответ судье гудел хриплым голосом сотник Сагинтай:

– И Кульбасару управителем не быть! Разве он богаче Кадырбая? Разве род нашего управителя не берет начало в золотой орде Чингиза? А Кульбасар что? Не он ли первым пошел к русским и стал хлебоделом? Не быть Кульбасару управителем!

Кадырбай, зажмурив глаза, а широким совиным ухом втягивая каждое слово из споров знати, цвел от сладкой лести. Лежа на подушках, он широко раскинул руки, будто вот-вот должен был свалиться ему с неба золотой мешок.

У входа в юрту ругались родовые акыны. Они тоже спорили, подражая хозяевам. Спорили о своем: кто первым идет в айтысе, у кого звонче домбра и крепче голос, у кого богаче родня, кто угодил сладким словом жене Кадырбая.

Домбрачи вели тяжбу так громко, что судья Артык, не выдержав, высунул из юрты потную голову и, щелкнув зубами, осадил их:

– Кто спорит, тому кость в зубы, кто поет, тому курдюк сала! За тем ли вас, широкооротых, позвали сюда, чтобы вы ругались? Ну, кто еще не потерял голоса?

Чернобородый Байузак с узкими, как у сурка, глазами прытко вскочил с места, вошел в юрту и голосом, тонким, как у полугодовалого ягненка, запел, не глядя на Кадырбая:

*О-о-о-о, э-э-э-эй, заглянула б луна в табуны,
Зависть затмила бы щеки луны –
Меньше на небе звезд золотых,
Чем у тебя кобылиц молодых!*

Высокий и сухой акын Кучук оттолкнул локтем Байузака и, покачиваясь из стороны в сторону, мягким заискивающим баском продолжал песню под бурный перебор струн:

*Бай Кадырбай, ты и молод, и статен,
Род твой богатый и славен, и знатен,
Сам губернатор тебя уважает,
Сам губернатор к тебе приезжает...*

Тесно толпился голодный народ вокруг байской юрты. Блестели обожженные солнцем и отшлифованные ветрами голые спины пастухов. Старики в обносках овчин, едва укрывавших тело, сидели тесными кружками, часто нюхая табак и с завистью поглядывая, как слуги то и дело носили в байскую юрту овитые теплым, густым паром блюда с жирной бараниной. Протискиваясь в толпе и подталкивая Джамбула, Керимбек жадно прислушивался к тому, что говорил народ.

– Не дай бог выскочить Кадырбаю в управители. Жди закята за каждый волос на голове!

– Зато лысым будет легче!

– Он и за лысины брать будет!

– Э-э-э-э, видно, до старости мне не жениться, – заключил Керимбек и поторопил Джамбула: – Не будь похожим на своего коня, шагай быстрее и начинай песню, не то байские домбрачи опередят, и будешь ты всю жизнь ходить пешком!

Появление Джамбула у байской юрты вызвало настороженное любопытство толпы.

– Куда лезет этот молодой парень со своей домброй? Не задумал ли он померяться песней с байскими любимцами? О-ой, нелегко будет ему!

Перешагнув порог юрты, Джамбул окинул пытливым взглядом шумное сборище степной знати. Его встретили презрительные улыбки, и наступила мгновенная злая тишина.

– Кто ты такой, и известно ли тебе, что переступивший порог без спроса хозяина может получить или подарок за суюнши, или отведать камчи? – нарушил молчание судья Артык, сердито обращаясь к юноше.

– Ни камчи, ни суюнши я не заслужил. Я Джамбул, сын Джабая, отцом которого был батыр Истыбай из ветви Екея, рода Шапырашты...

По юрте пробежал тихий шёпот. Кадырбай приподнялся на подлокотниках и, удивленно глядя на смельчака, осведомился:

– Не о вашем ли племени говорят: коза не скотина, а екейцы не люди?

Взрыв хохота оглушил юношу. С трудом сдерживая волнение, он ответил:
– Много говорят в степи, и всё приходится слушать. Я пришел, мой почтенный господин, чтобы и ты послушал меня в состязании певцов. Весть о том, что ты собираешь айтыс, дошла до наших мест.

Лицо Кадырбая подобрело, но охмелевший от кумыса Артык снова пустил в ход свое жало:

– Ты, кажется, опоздал, внук Истыбая. Все песни уже пропели славные соловьи нашего рода: Байузак, Кучук, Бурамбай. Однако подожди, кажется, осталось кое-что и для тебя.

Старшины притихли, с настороженным любопытством ожидая, что придумал для Джамбула лукавый судья.

– Вчера, – продолжал Артык притворно жалостливым голосом, – у нашего почтенного Кадырбая сдохла собака. Ее звали Найза. Она затравила десять волков. Зубы ее были острее пики, глаза – зорче беркутиных, ноги быстрее полета стрелы. Найза оберегала табуны нашего доброго хозяина и заслужила, чтобы о ней осталась песня. Не испробуешь ли ты шапыраштынский голос на такой песне?

И снова смех, теперь уже тихий и злой, прошелестел в юрте.

Джамбул терпеливо переносил испытание, но глаза Артыка заметили, как на молодое, обветренное лицо юноши, не отмеченное еще ни единой линией жизни, наплывала пунцовая краска.

Выслушав Артыка, Джамбул тихо и покорно сказал:

– Я спую эту песню, но пусть ее услышит весь народ. Разве не о хозяине Найзы, что оберегала несметные богатства и покой его, будет петь бедный певец?

Глаза Кадырбая ожили. Он заворочался на подушках и стал подниматься.

«Этот голосистый сорванец сказал умные слова. Зачем акынам восхвалять славу и богатство будущего управителя в тесной юрте? Пусть песни слушает народ и, как ветер, разносит их по степи», – подумал он и направился к выходу.

Вслед за баем поднялись с ковров и кошм гости: грузный брат Кадырбая Санек, с огромным животом, душа байской барымты Сагиндык, караванщик Турсун, мулла Карамыш и косо смотревший на целый мир судья Артык, виновник лукавой выдумки.

«Задумал на песне в управители выехать. Нашел коня в песне. Не песня, а суд повезет. Куда поверну удила, туда и поедешь!» – размышлял Артык, глядя на Кадырбая и чувствуя свое превосходство перед окружающей знатью.

За юртой байские слуги стелили ковры и кошмы. Теснее собирался народ.

Кара-букара усаживалась поодаль от байского дастархана, угадывая в оживлении вокруг хозяйской юрты что-то необычное.

Между народом и властным господином рода сидели на войлочных потниках певцы Байузак, Кучук, Байгали. Они энергично настраивали домбры, кашляли, пробуя чистоту голоса, глубоко втягивали в себя воздух, испытывая ширину груди, и гулко били пальцами по пустым роговым табакеркам, проверяя свой слух.

– Мы сидим между огнем и водой! – поплеывая на деревянную кобылку и укрепляя ее около открытого горла домбры, недовольно говорил Байузак. – Этот екейский бродяга может пустить такой сладкий припев в ухо Кадырбаю, что все наши старанья окажутся положенными за приз, увиденный во сне.

– Надо было заткнуть ему глотку бесбармаком и близко не пускать сюда. Почему ты не сделал этого? – ответил Кучук и так посмотрел на Байузак, что у того руки вместе с домброй опустились на колени поджатых под грузное тело ног.

– Разве не мой Керимбек первым изловил екейского воробья? Но я и не думал, что он так нагло шагнет в байскую юрту! – пробовал оправдаться Байузак, и снова одним своим взглядом Кучук заставил его губы плотно сомкнуться.

В тревожном ожидании смотрел народ на молодого крепкоплечего парня. Народ ждал песни. Притихли старшины и гости. Слышно было, как шелестит в степи трава под ветром.

– Начинай! – сухо бросил Кадырбай и взмахнул рукой.

Люди замерли.

Послышались первые звуки домбры, и молодой, сильный голос вырвался в призывном запеве, властно овладел слушателями.

*Э-эй, выходите на песню, аулы,
Бай Кадырбай, ты послушай*

Джамбула!

*Собака твоя неплохая была –
Она табуны для степей берегла,
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал.*

Одобрительным гулом ответил народ. Малиновая тюбетейка зашевелилась на гладко выбритой голове Кадырбая. Сжимая в руках черепки плетей, вскочили со своих мест как ужаленные судья Артык и старшины, но с глухим ропотом и угрозой толпа придвинулась ближе, защищая молодого певца.

Он заметил это, подбодрился и, озаренный яркими лучами солнца, порывистый и дерзкий, высоко подняв домбру, продолжал мелодию.

В звуках жильных струн слышались то буря, то гневный клекот степного орла, то тревожные взмахи его крыльев.

Кадырбай, стиснув зубы, читал в мелодии молодого шапыраштынца дерзкий вызов, брошенный белой кости. Слова песни хлестали, как плеть:

*Собака неплохо степям послужила,
Она не твоим табуном дорожила,
Она и при солнце и при луне
О нашем заботилась табуне.
Ты же, бездельник, с ханскою сворой
Проходишь степями убийцей и вором.
Не дай тебе бог ничего, кроме блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох!*

Слуги Кадырбая сорвались с мест схватить дерзкого домбриста, но раступились люди, и юный Джамбул потерялся, как песчинка в высоких ковылях.

Перед баями и их челядью стоял молчаливый и гневный народ, оберегая рождение своей новой песни.